
К 110-ЛЕТИЮ Д. С. ЛИХАЧЕВА

О. В. ПАНЧЕНКО

Соловки в судьбе Д. С. Лихачева

Годы, проведенные в Соловецком лагере, Д. С. Лихачев считал самыми важными в своей жизни. По его словам, он встретил там замечательных людей, «имена которых принадлежат к самым светлым в русской культуре»,¹ — тот последний культурный слой Серебряного века, который вскоре в России исчез навсегда. Память о них он сохранял в своем образе мыслей, манере поведения, отношении к природе и культуре.

Принято говорить вслед за Д. С. Лихачевым, что Соловки стали для него «вторым университетом».² Думаю, они были для него чем-то большим, чем просто университет. Соловки были для него духовной родиной. Не случайно, тех, кто прошел Соловецкий лагерь, он сам называл в письме к Варламу Шаламову «соотечественниками».³

О годах же, проведенных в Соловецком лагере, он писал — уже на закате своей жизни — как о «бесконечно родном» для него времени (родном, ибо там, по его словам, формировалась его личность).⁴ «Только там, — пи-

---

¹ *Лихачев Д. С. Беседы прежних лет: (Из воспоминаний об интеллигенции 1920—1930-х годов) // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб., 2006. Т. 2. С. 449.*

² «Соловки дали мне не меньше, чем университет. Можно сказать, что Серебряный век с его удивительным духом общения завершился для меня на Соловках» (Там же, с. 449).

³ Приведу фрагмент из этого письма: «Дорогой Варлам Тихонович, захотелось написать Вам. Просто так. У меня тоже был период в жизни, который я считаю для себя самым важным. Сейчас уже никого нет из моих современников и "соотечественников". Сотни людей слабо мерцают в моей памяти. Не будет меня, и прекратится память о них. Не себя жалко — их жалко. Никто ничего не знает. А жизнь была очень значительной...» (письмо от 20 сентября 1979 г. — РГАЛИ, ф. 2596 (В. Т. Шаламова), оп. 3, ед. хр. 330, л. 1). Указанный фрагмент был опубликован в статье Е. В. Бронниковой (*Бронникова Е. В. Эпистолярное наследие Д. С. Лихачева в фондах Российского государственного архива литературы и искусства // Археографический ежегодник за 2006 г. М., 2011. С. 350*).

⁴ «И помнится общая атмосфера того далекого, но вечно для меня родного времени. Родного, ибо там формировалась моя личность» (*Лихачев Д. С. Письмо С. О. Шмидту // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Т. 1. С. 389*).

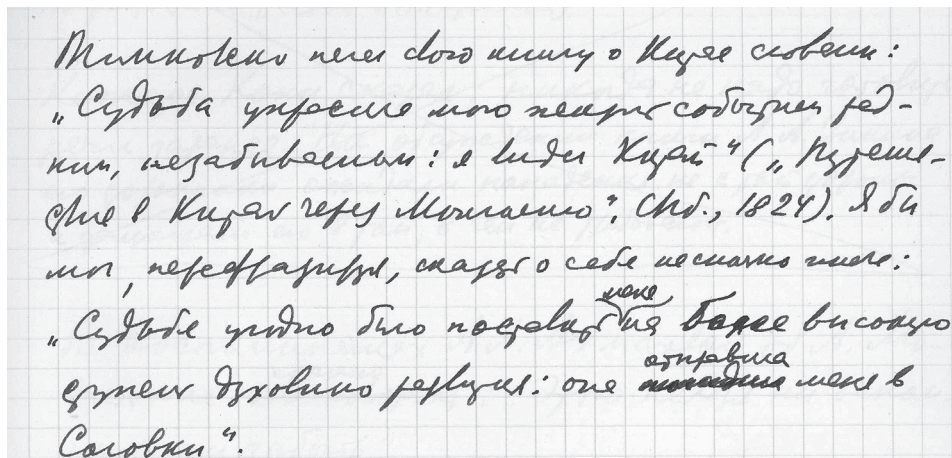

Рис. 1. «Судьбе угодно было поставить меня на более высокую ступень духовного развития: она отправила меня в Соловки» (из записной книжки Д. С. Лихачева 1964 г.).

сал Д. С. Лихачев, — было у меня много настоящих друзей: и ровесников, и старших, ставших моими учителями».⁵

В 1964 г. он внес в записную книжку важную для него мысль: «Тимковский начал свою книгу о Китае словами: "Судьба украсила мою жизнь событием редким, незабываемым: я видел Китай" (Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. СПб., 1824). Я бы мог, перефразируя, сказать о себе несколько иначе: "Судьбе угодно было поставить меня на более высокую ступень духовного развития: она отправила меня в Соловки"» (рис. 1).⁶

Какой же духовный опыт Д. С. Лихачев приобрел на Соловках? Думается, это был опыт прежде всего экзистенциальный. Как известно, на Соловках он пережил самое страшное событие своей жизни — ночь расстрелов, спасаясь от которых укрылся между поленницами дров. Этот случай серьезно повлиял на мировоззрение Лихачева. Ведь он был уверен, что попал в расстрельные списки, что его приходили арестовать, но все же остался жив. Как пишет сам Дмитрий Сергеевич, после этого события он осознал, что каждый новый день подарен ему Богом, что он не должен бояться ничего на свете и жить так — за себя и за другого (кто был расстрелян вместо него), чтобы жертва его не была напрасной.⁷ В другом своем очерке «Школа смелости» (неопубликованном) Д. С. Лихачев добавляет, что этот опыт породил в нем глубокое внутреннее спокойствие, после чего у него надолго исчезло чувство страха.⁸

Таким был экзистенциальный опыт, вынесенный им с Соловков. Вспоминая впоследствии о той страшной ночи, Д. С. Лихачев пришел к собственной философии истории и судьбы человека в ней. Приведу небольшой

⁵ Там же.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 769. Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (л. 12).

⁷ Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Т. 1. С. 189–190.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 769. Лихачев Д. С. «Школа смелости» (очерк).

фрагмент из 1-й редакции его воспоминаний о Соловецком лагере (созданной в 1966 г.), в котором он размышляет о вихре истории, о роли случая и о Промысле Божиим в своей судьбе:

«Меня поражает и всегда поражало: от какой малости зависит иногда все направление нашей жизни. Болезнь возникает от случайности. Мы выбираем профессию в возрасте, когда еще ничего не понимаем в жизни. Подслушанный доносчиком разговор решает нашу судьбу на многие годы. А тут (в лагере. — О. П.) списки и списки: списки на этап, списки, составленные нарядами на работу, списки первой категории или второй, списки дворян, списки по пункту такому-то статьи УК такой-то, списки библиотекарей, списки педагогов, списки знающих иностранные языки, списки по годам рождения и по алфавиту. Ваша фамилия на “Л” — и вас уже направили налево, а остальных направо. “Налево!” — не случайно это слово означало расстрел. Попали налево — и нет вас, попали направо — и вы живете еще сорок, пятьдесят лет. Осенью 1929 года я попал в список “налево” — и чуть не был расстрелян, но потом судьба внесла мелкую поправку — через день или два я был исключен из “списка” и попал “направо” (кто-то “постеснялся” приехавших ко мне на свидание родителей), и вот я живу еще 37 лет, а может быть проживу и еще немного. Этот “кто-то” — совсем ничтожный человек: какой-нибудь сотрудник ИСЧ (информационно-следственной части), составлявший списки тех 300 человек, которые были расстреляны 29 октября 1929 г.» (рис. 2).

Далее Д. С. Лихачев переходит к обобщениям, используя для изображения стихии революционной эпохи символ «метели»⁹ (заимствованный из романа Б. Л. Пастернака), противостоять которой человек не в силах: «Но моя жизнь зависела не только от него: от нарядчика-чубаровца, от делопроизводителя Адмчасти Мельникова, от сумасшедшего авантюриста Комчебек-Возняцкого — от сотен ничтожных мелочей и тысяч ничтожных случайностей. Случайности и мелочи метут нашей жизнью. Мятель метет нами как снегом. Мы не имеем ничего прочного под собой. Земля нас не держит. Она обледенела. Нам не за что зацепиться, нечем впитаться в землю, чтобы задержать безумное вихрение жизни. Когда жизнь начинает бежать, когда “мятет, мятет по всей земле”, — больше всего чувствуешь свою беспомощность, “неприкрепленность” к земле — как на гигантском ледяном катке».

Но затем, после небольшого раздумья, он опровергает все сказанное ранее: «И все ж таки, оглядываясь сейчас назад, чувствуешь, что в жизни твоей не было случайностей, все в жизни оказалось нужным, необходимым, все приходило вовремя, и все круговые движения вихря, тебя несущего, складывались в определенный, удивительно точный рисунок. Значит, отсутствие видимой порядочности и устойчивости лучше всего доказывает существование невидимой устойчивости. Земля нас не держит, но держит Небо.¹⁰ Чья-то мудрая, заботливая, любящая рука направляет жизнь человека, всякого человека. Она направляет согласно его, человека, свободной

⁹ «Метель» Д. С. Лихачев пишет через букву «я» («мятель»), обнаруживая связь этого символа с этимологически родственными словами: «мятеж», «смятение» и подобное.

¹⁰ Выделенные слова подчеркнуты в рукописи самим Д. С. Лихачевым.

неужто землица не радио аз нею: аз неведника-уба-
 ровца, аз делопроизводителя Владимира Мельникова, аз
 сумасшедшего ^{кавалериста} Кавалер-Полжанина - аз союзи и угро-
 ных людей и писателей и угрожных сумасшедших. Сумасшедшим
 и менами могут нести неужто. Могут нести на-
 ми как слезам. Мы не писали ничего прощало под
 собой. Земля как не держит. ^{Она обледенела.} Нам не за то же неужто,
 неужто ~~неужто~~ ^{всплывет} в землю, чтобы задержит безумное
~~всплывет~~ неужто. Когда неужто неужто безумно,
 когда неужто, неужто по всей земле, - бытие всего
 задержит своего безумности, "неприродности"
 к земле - как на тиганском ледном каюке, и
 все не так, оглядываясь сейчас назад, задержит,
 за в неужто не было сумасшедших, всё в
 неужто оказалось нужным, ^{всё приходится делать} и всё
 кровью движется вихрь, себе неужто, следы-
~~ваши~~ в отряде, удивительно горного рисунком.
 Знаю, азучные видны покаянности и задо-
 шности неужто всего доказывает существование
 невидимого уродности. Земля как не держит,
но держит небо. За-то неужто, задержит, ето-
 щая рука напечатает неужто человека, всемогуще

Рис. 3. Черновик 1-й редакции воспоминаний о Соловецком лагере. 1966 г.
 Фрагмент из размышлений о судьбе и Промысле Божиим.

При этом Д. С. Лихачев делает важное добавление: Промысел Божий не действует вопреки свободе человеческой воли, но лишь в согласии с ней. Юный Лихачев не хотел быть в списке тех, кто попал «налево»; он выбрал

оправданные временем, но невозможно ему предвидеть слугая — мощного, мгновенного орудия провидения» (Пушкин А. С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. [4-е изд.]. Л., 1978. Т. 7. С. 100).

но и непонятно. Самое непонятное состоит в том, что при это^м в человеке /а в какой-то малой степени в животном и растении/ совмещается изначальная данность всей жизни, Воля Божья и свобода воли человека. Синергия.

Живя, я ощущаю, что всё совершается по Воле Божьей, мудро и предустановлено, но вместе с тем я отвечаю за каждый свой поступок, за каждое движение, мною совершаемое.

Рис. 4. Фрагмент из письма Д. С. Лихачева к отцу Александру Киселеву. 1990 г. Размышления о «синергии» Промысла Божия и свободы воли человека.

жизнь — и Промысел Божий сохранил его на этом свете. В этом и выражается, по Лихачеву, «синергия» Промысла Божьего и духовного выбора человека.

В конце жизни он поделился своими размышлениями об отношении свободы воли человека и Промысла Божия с протопресвитером Русской церкви в Америке отцом Александром Киселевым (рис. 4). Отвечая на его письмо, касающееся религиозных основ мировоззрения, Д. С. Лихачев написал ему следующее: «Самое непонятное для меня состоит в том, что при этом в человеке (а в какой-то малой степени в животном и растении) совмещается изначальная данность всей жизни, воля Божья и свобода воли человека. Синергия. Живя, я ощущаю, что всё совершается по Воле Божьей, мудро и предустановлено, но вместе с тем я отвечаю за каждый свой поступок, за каждое движение, мною совершаемое».¹³

Таков был мировоззренческий опыт, вынесенный Д. С. Лихачевым с Соловков.

* * *

Но для его личностного становления был важен и другой опыт, полученный в Соловецком лагере, — умение сохранять стойкость и духовную независимость в условиях жесточайшего произвола. Опору он находил в своем ближайшем окружении — среди «однодельцев», служивших для него примером нравственного достоинства. Таким был И. Е. Аничков, представитель старинного аристократического рода, который, по воспоминаниям Д. С. Лихачева, «не считал возможным унижаться ни при каких обстоятельствах». К тому же типу относились и гвардейские офицеры Б. А. Фрейберг и Г. М. Осоргин. О первом (как и об Аничкове) Дмитрий Сергеевич вспоминал в беседе с кинорежиссером Мариной Голдовской на съемках фильма «Власть соловецкая»: «Вечно он с улыбкой, вечно у него шапочка набок, такая и зимой и летом, такой франтоватый, всегда побрит, всегда веселый, всегда шутит. Спрашивают: “Как вы поживаете?” Отвечает: “А ла-

¹³ РО ИРЛИ, ф. 769. Письмо Д. С. Лихачева протопресвитеру Русской церкви в Америке отцу Александру Киселеву от 2 сентября 1990 г.

герь ком а лагерь»¹⁴. Подобным образом вел себя в лагере и Г. М. Осоргин, по воспоминаниям Лихачева, «держался едва ли не с самым большим вызовом по отношению к лагерным властям»: «При встрече приветствовал шутливо: “Comment vous portez-vous на этом острове?”»¹⁵.

Впрочем, умению сохранять достоинство Лихачев учился не только у «дворянской косточки». Как рассказал он в шутливом письме А. Н. Робинсону, еще одним из его «профессоров» на Соловках был король всех урок Ванька Комиссаров (ученик знаменитого Леньки Пантелеева), который своим примером учил его «как достоинства не терять, а всегда по своей форме ходить»¹⁶.

В кругу же интеллигенции, к которому принадлежал Лихачев, главным средством духовного сопротивления было стремление сохранить независимость мысли. Как вспоминал он впоследствии, даже будучи запряженными «вридлами»¹⁷ в сани для перевозки свиного навоза, он и его «однодельцы» не переставали решать «вопросы мирового порядка», ведя беседу на нескольких европейских языках, — «латинствующая, французская и английствующая квадрига»¹⁸.

Другим способом сохранения духовной свободы в лагере, по воспоминаниям Д. С. Лихачева, был юмор, освобождающий смех, бесповоротно разрушавший установленную там социальную иерархию. Не признавая власти силы над интеллектом, юмор делал ее беспомощной и смешной. Позднее идеи «смеха как мировоззрения», создающего свой особый «перевернутый» «смеховой мир», были использованы Д. С. Лихачевым в книге «Смех в Древней Руси» (написанной в соавторстве с А. М. Панченко и Н. В. Поньрко). В предисловии к этой книге Д. С. Лихачев добросовестно сослался на приоритет М. М. Бахтина, но в основе его личного интереса к теме «смехового мира», несомненно, лежал лагерный опыт.¹⁹

¹⁴ Видеозаписи рассказов Д. С. Лихачева о Соловецком лагере были сделаны М. Е. Голдовской и Д. Н. Чуковским в 1987–1988 гг. при подготовке фильма «Власть Соловецкая». Распечатка текста этих рассказов была сохранена Ю. А. Бродским, принимавшим участие в работе над сценарием этого фильма (рабочее название фильма — «Спаси меня хоть Соловецким монастырём»). При этом сами пленки с подготовительными материалами к фильму были смыты киностудией «на серебро». Ю. А. Бродский передал свой экземпляр распечаток в Музей истории ГУЛАГа. По его просьбе главный хранитель музея Н. П. Карпухина прислала мне копию страниц с рассказами Д. С. Лихачева. Приношу сердечную благодарность Ю. А. Бродскому за возможность познакомиться со столь ценным источником.

¹⁵ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 2006. 2-е изд. С. 157 (из воспоминаний Вяч. Вс. Иванова).

¹⁶ Фрагмент из письма Д. С. Лихачева к А. Н. Робинсону приведен в статье: *Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: Жизненный путь и научная судьба. К 100-летию со дня рождения // Славянский альманах. 2006. М., 2007. С. 395–396.

¹⁷ «Вридло» на лагерном жаргоне означало «лицо, временно исполняющее должность лошади».

¹⁸ *Лихачев Д. С.* Соловецкие записи. 1928–1930 // Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С. 29.

¹⁹ *Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976; *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Рис. 5. Д. С. Лихачев в лагерном бушлате и студенческой фуражке. 1930 г.

* * *

Д. С. Лихачев высоко ценил свою принадлежность к сословию «людей мысли», как он именовал интеллигенцию, демонстрируя это в лагере с помощью зримого символа — студенческой фуражки (рис. 5). Студенческая фуражка была для него знаком интеллектуальной независимости и притязаний на «права духа», отнятые у интеллигенции большевистской властью.²⁰ При этом он ясно осознавал и всю опасность этой демонстрации своей социальной «чуждости», выдававшей в нем нераскаянного «казра».

Об этом символе он пишет в «Воспоминаниях» дважды. В первый раз — говоря о том, что снял фуражку при входе в ворота Соловецкого монастыря, желая поклониться святыне.²¹ Во второй — рассказывая о встрече с «заговорщиком» Вадимом Карловичем Чеховским осенью 1929 г., когда того вели на допрос через монастырский двор.²² Он и тогда снял свою сту-

²⁰ Об отстаивании русской интеллигенцией присущих ей «прав духа» Д. С. Лихачев рассказал в интервью Сергею Курехину в начале 1990-х гг. См.: <http://likhachev.fond.spb.ru/Movies/wmv/video.html>

²¹ *Лихачев Д. С.* Из книги «Воспоминания» // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб., 2006. Т. 1. С. 153.

²² «В разгар создания якобы существовавшего на Соловках заговора “с целью захвата Соловков и последующего свержения советской власти в стране” осенью 1929 г. я встретил между Никольскими и вторыми воротами партию “заговорщиков”, которых

денческую фуражку и низко поклонился ему — при конвоирах, прекрасно понимая, чего это может ему стоить. И действительно, после этого случая, как он писал впоследствии, «его заметили и “зафиксировали”».

Вспоминая об этом много лет спустя на съемках фильма М. Голдовской об узниках Соловецкого лагеря, Д. С. Лихачев так прокомментировал последствия этой встречи: «И пришли за мной, потому что поклонился, потому что носил студенческую фуражку. Какой признак? Признак интеллигентности. Вот, это не свой. Ведь все в лагере делились на “социально чуждых” и на “социально своих”. “Социально свои” — это воры, “социально чуждые” — это дворяне, интеллигенты и т.д. И поэтому пришли за мной, <...> чтобы в эту общую яму свалить».²³

Подробнее об этой истории Лихачев рассказал и в уже упомянутом очерке «Школа смелости» (рис. 6). Приведем из него небольшой фрагмент: «Он посмотрел на меня близко-близко в глаза обреченными глазами (этот взгляд я до сих пор помню <...>). Я не мог не поклониться ему низко, сняв свою измызанную студенческую фуражку (я носил ее как некий символ моей независимости). Меня заметили и “зафиксировали”. С тех пор в моем деле появилась одна-единственная отметка за все время пребывания на острове: “Имел связь с повстанцами на Соловках”».²⁴

Несомненно, это был еще один важный опыт обретения им духовной независимости, вынесенный с Соловков. Ведь он не испугался, что и его причтут к числу «заговорщиков», не отвел взгляд, но оказал поддержку своему товарищу, обреченному на смерть.

* * *

Как вспоминал Д. С. Лихачев, главным средством сохранения духовной свободы в лагере для людей его круга был тот «воздух культуры, которым они дышали», и удивительный «дух общения» людей Серебряного века, наполнявший их жизнь.²⁵ Об этом же он говорит и в черновой «Заметке к будущим воспоминаниям» (1959), сохранившейся в одной из его записных книжек. В ней он также вспоминает о необычайном разнообразии форм духовной жизни, процветавших в его время на Соловках: «Так свободны могли быть только русские люди начала века, только люди вполне интеллигентные. Сейчас даже трудно вообразить себе ту степень свободы, которой мы все обладали в заключении. Чем больше было людей разномыслящих, тем больше была эта свобода. Кого только не было: проктофантомисты, самурай Нарита (со всеми своими самурайскими убеждениями), Мейер и “мейеровцы”, православные священники, католические священники, масоны, <...> теософы (сам автор Теософской энциклопедии Мёбус), армянский патриарх, “пулеметчик” Потто, Казаринов-Лефевр, в которого

бегом гнали с допроса в здании УСЛОНа назад в карцер. Конвоиры кричали, щелкали затворами, приказывали всем встречным не двигаться. И вдруг один из гонимых, в котором трудно было узнать еще молодого человека, поздоровался со мною одними глазами. Меня осенило — это Чеховский...» (Там же. С. 213).

²³ Музей истории ГУЛАГа. Текст видеозаписей Д. С. Лихачева к фильму «Власть Соловецкая». Интервью 1. С. 17–18.

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 769. Лихачев Д. С. «Школа смелости» (очерк).

²⁵ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет. С. 448.

ШКОЛА СМЕЛОСТИ. Аутотренинг.

Я не знаю стал ли я смелым или "так себе"... но школу смелости я проходил и школу долголетнюю.

Первые уроки я получил на Соловках в 1930 г. На Соловках после истории с "побегом" Кожевникова и Шипчинского, а также после посещения Соловков Горьким с "кожаной" снохой готовились расстрелы. Перепуганное начальство решило устрашить заключенных /пугают всегда трусы/ и получило согласие Москвы расстрелять 300 человек по своему разумению. Карцеры на Секирке и II рота рядом с третьей были переполнены. Сажали туда тех кто не нравился - бывших военных /белогвардейцев/, духовенство из исосифлян, людей просто независимого вида, интеллигентов, которые всегда особенно раздражают начальство. Для праформы, а может быть и чтобы добыть от арестованных в лагере какие-нибудь сведения водили на допросы под оглушительным конвоем в здание управления на пристани в ИСЧ на втором этаже. Конвой был оглушительный потому, что конвоиры неистово орали и на тех, кого везли и на переполнявших все лагерные улицы и закулки прочих заключенных. Я встретил такую партию допрашиваемых между сторожевой башней кремля и вторыми, внутренними воротами. Не смотря на крик: "Не смотреть", "Стать лицом к стене" и пр. Я шел и стал разглядывать обреченных /что расстреляют было известно - на Соловках не было тайн - слишком много было заключенных в управлении/. Увидел я и своего поч и-что сверстника, который к ак-то, пригласив меня к себе на сортоиспытательную станцию /теперь там аэродром/ пригласил меня в масоны. Он посмотрел ^{на} меня близко, близко в глаза обреченными глазами /этот взгляд я до сих пор помню, как помню и взгляд на расстрел уводимого из нашей камеры иностранца в целулоидном воротничке/. Я не мог не поклониться ему низко, сняв свою измызанную студенческую фуражку /я носил ее как некий символ моей независимости/. Меня заметили и зафиксировали. С тех пор в моем деле появилась одна единственная отметка за все время пребывания на острове: "имел связь с повстанцами на Соловках". Эта отметка /ее показал мне

Рис. 6. Очерк «Школа смелости» (о расстрелах осенью 1929 г.).

воплотился дух Людовика XVI, А. П. Сухов с его принятием всего и широкой художественной точкой зрения на мир («психолог») и т. д. и т. п. (Когда много взглядов других, легко иметь свои). В этой возможности иметь свои взгляды, свое, и была свобода...».²⁶

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 769. Записная книжка Д. С. Лихачева 1959—1966 гг. (л. 5—5 об.). В приведенной цитате в скобки заключены добавления, внесенные Д. С. Лихачевым в текст позднее.

Эту свободу, свойственную людям Серебряного века, Д. С. Лихачев сохранил и в зрелом возрасте, оставаясь открытым многообразию форм культурного творчества.

В лагере ему несказанно повезло: стараниями отца Николая Пискановского он попал на работу в Криминологический кабинет, ставший — благодаря философу А. А. Мейеру (рис. 7) — центром интеллектуальной жизни на Соловках.

Надо сказать, что в кружок Мейера в Петрограде входили замечательные деятели русской культуры Серебряного века: И. М. Гревс, А. В. Карташов, Г. П. Федотов, Н. П. Анциферов, М. М. Бахтин, Н. И. Конрад, Н. В. Пигулевская, философ С. А. Алексеев-Аскольдов, пианистка М. В. Юдина (перечисляю только самые известные имена). Но юный Лихачев этот кружок по молодости не посещал. Впоследствии он сам удивлялся неожиданным поворотам судьбы: будучи сослан на Соловки за участие в кружке И. М. Андреевского, здесь он обрел возможность общения с самим А. А. Мейером, беседы с которым длились иногда по 12 часов в день. Вот как писал об этом он сам: «Для меня разговоры с Мейером в Кримкабе и всей окружавшей его соловецкой интеллигенцией были вторым (но первым по значению) университетом. Сколько я узнал, к какому высокому мышлению я приобщился! <...> Если бы можно было все записать, какие великолепные беседы, дискуссии, просто споры, рассказы, рассуждения были бы сохранены для русской культуры! Была ли это своеобразная “Башня” Вячеслава Иванова? Пожалуй, даже значительнее, так как и длилось все дольше, и велись наши разговоры ежедневно...».²⁷

Мейер, по воспоминаниям знавших его людей, был человеком огромного обаяния и бескорыстной заинтересованности в личности собеседника. Его философское учение, по словам его дочери, имело сугубо практическую цель: он «открывал собеседнику цель жизни» и учил — своим примером — мыслить свободно и добровольно устремляться к «Единому Отцу». Он всегда помнил, что все люди братья, «дети Одного Отца», и старался напомнить им, «Кто наш Отец».²⁸ Когда же она однажды спросила его, чему он учит своих друзей, он ответил: только одной молитве («Отче наш») — и больше ничему (имея в виду пробуждение чувства братской любви и сыновства, которое связывает детей с их Отцом).²⁹ Приведу, с небольшим сокращением, другую его молитву — молитву любви и свободы, с которой начинались заседания общества «Воскресение»:

Просим Тебя, Христос, Учитель,
Сделать сердца наши чистыми
От всякого страха человеческого;
Ибо в страхе неправда.
Да будем свободны по воле Твоей.
Да будем свободны в любви Твоей.

²⁷ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет. С. 416—417.

²⁸ Воспоминания дочери А. А. Мейера Лидии Александровны Дмитриевой // Вестник РХД. 1990. № 159. С. 158—159.

²⁹ Там же.

Рис. 7. Философ Александр Александрович Мейер.

Свободны во всех путях наших к Тебе.
 Не уклони, Господи, путей наших.
 Дай нам крепость сердца и силу жизни,
 И вольное дерзновение, даже до смерти.
 Пошли изгоняющую страх совершенную любовь,
 Совершенную любовь пошли нам, Господи. <...>
 Веди нас, куда знаешь,
 Но не покинь в пустыне.
 Научи нас жить в Тебе, служить Тебе
 И умереть ради Тебя.
 Себя, друг друга и всю нашу жизнь
 Научи, Господи, Тебе предавать.³⁰

Мейер был не только философ, он был богослов и мистик. Его мало интересовал «муравейник» социальной жизни или исторический прогресс. Об этом он сам говорит в статье «Религия и культура»: «Кто смотрит все только вперед, не видит неба, простертого над ним».³¹ Эту же мысль он по-

³⁰ Воспоминания дочери А. А. Мейера Лидии Александровны Дмитриевой. С. 172.

³¹ Мейер А. А. Религия и культура // Мейер А. А. Философские сочинения. Париж, 1982. С. 50.

Слово - не выражает мир, а его творит,
определяет его характер в предшествующих десяти-
летиях. Это в высшей степени характерно именно

Рис. 8. «Слово не выражает мир, а его творит»
(Фрагмент из записной книжки Д. С. Лихачева).

вторяет и в других своих работах: «Не “движением вперед” постигается личностное достоинство человека, а поднятием над той плоскостью, по которой движутся “вперед или назад”».³²

Думаю, эти мысли оказали влияние на мировоззрение Д. С. Лихачева. Подобно Мейеру, он также стремился подниматься духом над «плоскостью» и «видеть небо». Как и у Мейера, у него тоже был дар «элевации» — способность не прилепляться духом к «земле», а как бы парить над ней, воспринимая жизнь из другого измерения. Размышления на эту тему есть в его записных книжках: «В жизни надо уметь парить над эпохой и в эпохе, выбирая те воздушные течения, которые идут снизу вверх, или, в какие-то моменты, скользить по воздуху, не падая».³³

Это еще один важный опыт, который Д. С. Лихачев приобрел на Соловках. Позднее он обучал этому же своего ученика Г. М. Прохорова, показывая ему, «как нужно держать крылья в зависимости от ветра», чтобы «парить над эпохой».³⁴

Благодаря общению с Мейером Лихачев воспринял еще один важный принцип, легший в основу его мировоззрения. Он усвоил, что в начале всякого дела лежит «Слово»; что «Идея» («Слово») предваряет всякое ее воплощение;³⁵ наконец, что «Слово не выражает мир, а его творит» (рис. 8).

От Мейера, по его словам, он воспринял «веру в первоначальность Разума и Слова», которую в дальнейшем положил в основу своего учения об экологии (рис. 9).

Целью этого учения, по мысли Д. С. Лихачева, должно стать изучение «мира как целого», «мира как Слова, как идеи», предшествующей ее воплощению.³⁶ «Одним словом, — как сказано в одном из его черновиков, — экологическая точка зрения на мир требует новой стадии в науке, ибо она не может быть осуществлена без идеи Бога, Творца — как всеведущего и всезнающего Созидателя. Но это требует сознавать, что Творец имел опреде-

³² Мейер А. А. Мысли про себя // Там же. С. 428.

³³ Лихачев Д. С. О жизни и смерти: (Из записных книжек) // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Т. 2. С. 485. Этим же опытом он делился и с юными читателями его «Писем о добром и прекрасном», которым он напоминал, что «самолет не падает на землю не потому, что он крыльями “опирается на воздух”, а потому, что он подсасывается кверху, к небу...» (Письмо 30. Нравственные вершины и отношение к ним), см.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М., 1989. С. 119.

³⁴ Попов В. Г. Дмитрий Лихачев. М., 2013. С. 258 (Сер. «ЖЗЛ»).

³⁵ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет. С. 418.

³⁶ Там же. С. 419.

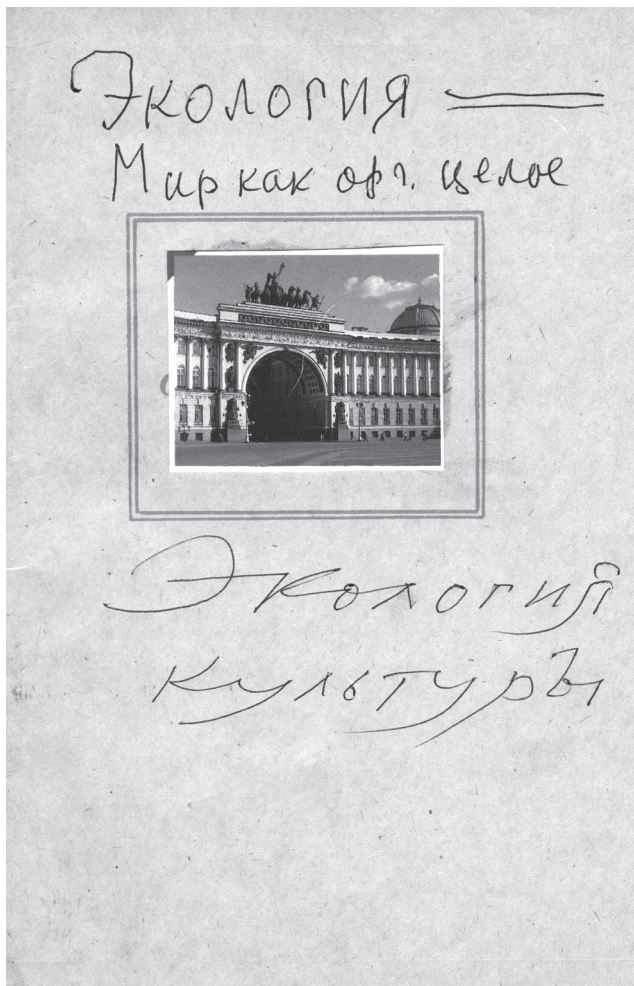

Рис. 9. Тетрадь для записи идей об экологии.

ленные цели. Изучая творение, мы должны представлять себе намерение Творца, исключать его из системы времени. Творчество Бога — преодоление времени. Но это и новый взгляд на Добро и попускание Творцом злу» (рис. 10).³⁷

Как видим, основные идеи «учения об экологии» позднего Лихачева также ведут свое начало с Соловков.

* * *

Наконец, еще одним, — и, может быть, самым важным — опытом, который Д. С. Лихачев приобрел на Соловках, стал его опыт сострадания несчастным малолеткам («вшивкам», «занюханной шпане»), выброшенным революцией за грань жизни. На съемках фильма о Соловецком лагере он

³⁷ Выделенные слова подчеркнуты в рукописи самим Д. С. Лихачевым.

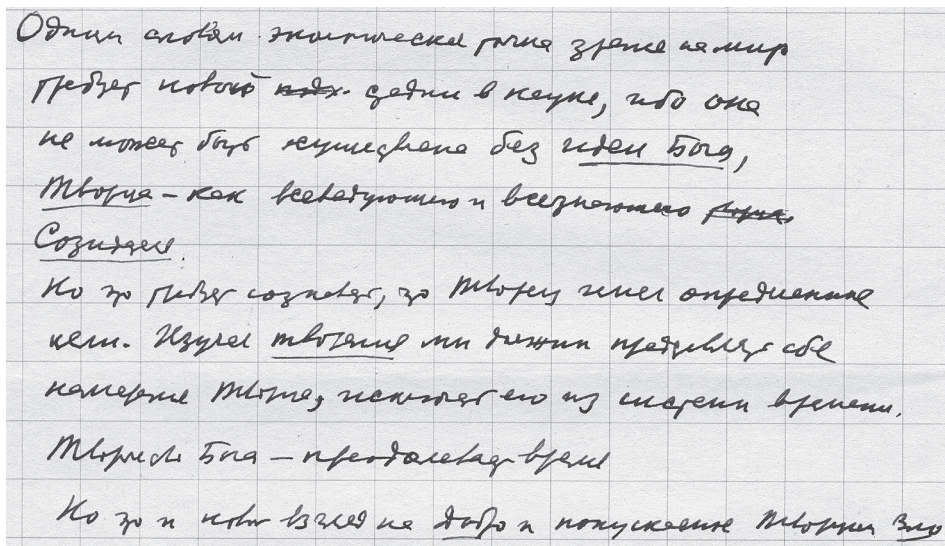

Рис. 10. «Одним словом, экологическая точка зрения на мир <...> не может быть осуществлена без идеи Бога, Творца...» (заметки Д. С. Лихачева к статье об экологии).

рассказывал М. Голдовской, что не видел ничего более страшного, чем «страдания этих людей, этих мальчиков, вообще-то невинных, хотя они были и наркоманы, воры, и заражены всеми всевозможными человеческими пороками». ³⁸ Он говорит в своих «Воспоминаниях», что страдал их страданиями ужасно — до сильнейших язвенных болей, до кровотечения, открывшегося у него в лагере. ³⁹

Жалость и сострадание к несчастным... Судя по «Воспоминаниям» Д. С. Лихачева, это свойство души проявилось и окрепло у него именно в лагере. Несомненно, этот опыт, приобретенный им на Соловках, и позволил ему развиваться в ту духовную личность — не только с высоким умом, но и с открытым сердцем, — которая проявилась впоследствии в «феномене Лихачева».

Одна из исследовательниц русской мемуаристики XX в. М. А. Бабичева отметила замечательную особенность воспоминаний Лихачева о Соловецком лагере: он почти никогда не говорит о себе, но всегда — о других, переживая опыт их страданий как свой собственный. «Лихачев, — пишет Бабичева, — словно не отрывает себя от людей, с которыми он разделит судьбу, часто воспринимает себя как часть единого целого». ⁴⁰

Эта удивительная способность Лихачева, по-видимому, была связана с интуитивным ощущением им духовного родства со всем человечеством

³⁸ Музей истории ГУЛАГа. Текст видеозаписей Д. С. Лихачева к фильму «Власть Соловецкая». Интервью 1. С. 6–7.

³⁹ Лихачев Д. С. Из книги «Воспоминания». С. 206.

⁴⁰ Бабичева М. Кровью сердца: Соловецкие дневники русских писателей // Studia Rossica. XVII. Dziniki pisarzy rosyjskich. Warszawa, 2006. С. 492.

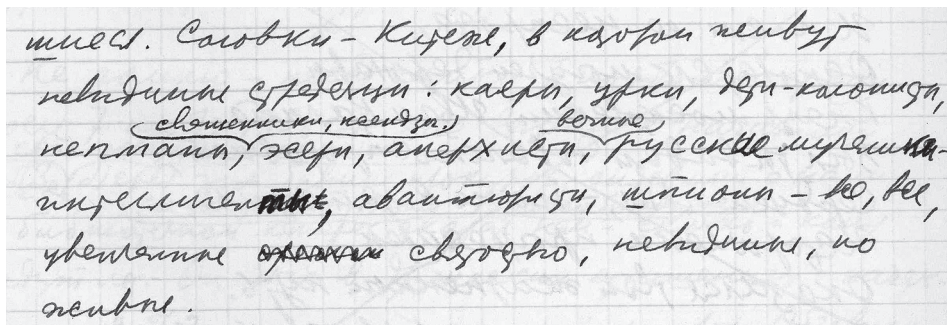

Рис. 11. Черновик 1-й редакции воспоминаний о Соловецком лагере.

Сравнение Соловков с градом Китежем.

(и даже еще шире — со всей тварью Божией). «В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, с народом, страной, вселенной», — написал он в конце жизни в книге своих нравственных максим с кратким названием «Без доказательств». ⁴¹

* * *

Как видно из черновых записей Д. С. Лихачева к его «Воспоминаниям», у него было особенное, метафизическое, восприятие Соловков как места особой святости. Именно такими он увидел Соловки летом 1966 г., когда впервые прибыл туда после лагеря: «Соловки в нимбе солнечного освещения, удостоенные святости за все страдания их заключенных. Соловки, канонизированные природой, сиянием и туманом». ⁴² Эту же мысль Дмитрий Сергеевич повторяет и в очерке «Беседы прежних лет», где перед его мысленным взором предстает «мученическая земля» Соловков, которую обрамляет «золотым венцом, как на иконе», красота соловецкой природы. ⁴³

Поэтически олицетворяя «мученическую землю» Соловков, Лихачев переносил на нее святость тысяч страдальцев, лежащих в ее общих могилах. Он видел Соловки каким-то особым духовным зрением — вне времени. В его черновых записях к «Воспоминаниям» об этом сказано особенно ясно. В них он уподобляет Соловки «граду Китежу» в Белом море, «в котором живут невидимые страдальцы: каэры, урки, дети-колоницы, нэпманы, священники, ксендзы, эсеры, анархисты, вечные русские мученики-интеллигенты, авантюристы, шпионы — все-все, увенчанные святостью, невидимые, но живые» (рис. 11). ⁴⁴

* * *

Дадим краткий хронологический обзор основных этапов работы Д. С. Лихачева над воспоминаниями о Соловецком лагере.

⁴¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. СПб., 1996. С. 22.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 769. Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (л. 27).

⁴³ Лихачев Д. С. «Беседы прежних лет» // Наше наследие. М., 1993. № 27. С. 53.

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 769. Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (л. 27).

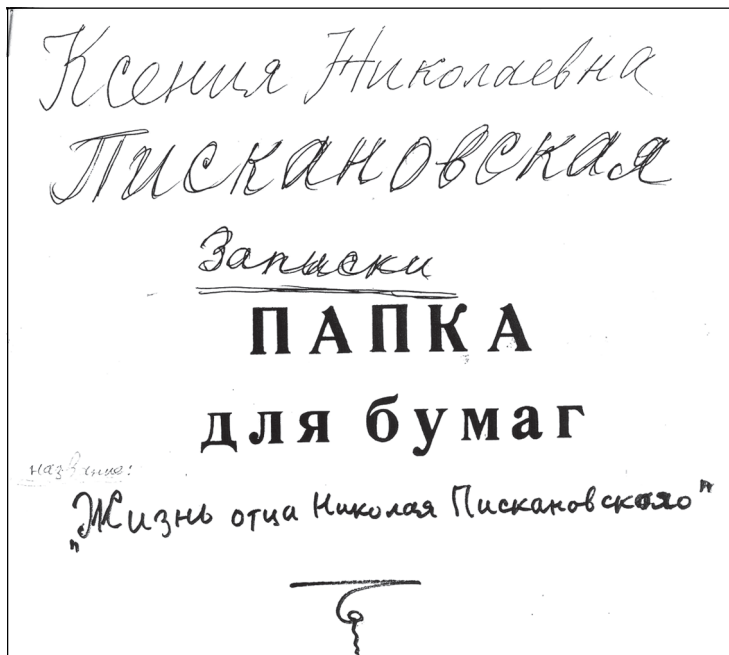

Рис. 12. К. Н. Пискановская. Записки. «Жизнь отца Николая Пискановского»
(Заглавие дано Д. С. Лихачевым).

Впервые Д. С. Лихачев обратился к теме воспоминаний о Соловках в 1959 г., после смерти Феди Розенберга, своего друга и сокамерника. Тогда же он сделал их первый набросок («Заметки к будущим воспоминаниям»), в котором определил их основную тему, тему «старой культуры русской интеллигенции начала XX в.» и ее духовной свободы, «несмотря на лагерь».⁴⁵ Здесь же он сформулировал и основную идею будущих воспоминаний: «В них не должно быть никакой озлобленности: ни тени обиды. Напротив: надо стремиться показать хорошее, счастливое, благословенное, что было в жизни, а зло — как дьяволы, низверженные в ад копием Михаила Архангела, на картине Тинторетто...».⁴⁶

В апреле 1966 г. Д. С. Лихачев получил через семью писателя О. В. Волкова письмо от Ксении Николаевны Пискановской, дочери его духовного отца в Соловецком лагере.⁴⁷ Переписка с ней продолжалась до самой ее кончины (1997). По его просьбе она прислала ему в 1991 г. жизнеописание ее отца Николая Пискановского, а также рассказ о владыке Викторе Вятском. Оба рассказа Дмитрий Сергеевич перепечатал на машинке и дал каждому из них свое заглавие (рис. 12–13).⁴⁸ О жизнеописании отца Николая Пис-

⁴⁵ Там же, л. 5–7.

⁴⁶ Там же, л. 7.

⁴⁷ Письма Д. С. Лихачева О. В. Волкову и его семье / Публ., сопроводит. текст, примеч. В. О. Волкова // Наше наследие. 2008. № 87–88. С. 76.

⁴⁸ РО ИРЛИ, ф. 769. «Жизнь отца Николая Пискановского» и «Пискановская о владыке Викторе Островидове».

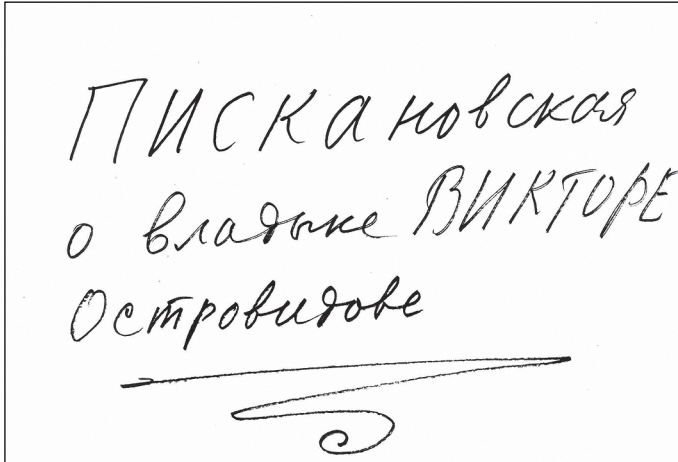

Рис. 13. «Пискановская о владыке Викторе Островидове»
(Озаглавлено Д. С. Лихачевым).

кановского он заметил: «Поразительно похоже по сообщаемым фактам и по стилю на «Житие» протопопа Аввакума».⁴⁹

В июле 1966 г. Д. С. Лихачев принял участие в конференции «Памятники культуры Русского Севера» в Архангельске. На ней он выступил с докладом «Задачи изучения Соловецкого историко-культурного комплекса» (рис. 14), который во многом способствовал принятию решения об открытии Соловецкого музея-заповедника в январе 1967 г.

Из Архангельска он вместе с другими участниками конференции отправился на Соловки, где провел несколько дней (рис. 15). Во время прогулок по Соловецкому острову его сопровождала Светлана Вереш, ставшая вскоре первым директором Соловецкого музея. В течение нескольких дней они обошли и объехали на машине и лодках почти весь архипелаг, побывали на Анзере и на Муксалме, ездили на Заяцкие острова. По воспоминаниям С. Вереш, Д. С. Лихачев подробно рассказывал ей и другим своим спутникам о Соловецком лагере, о штрафном изоляторе на Секирке, читал стихи поэта Владимира Кемецкого.⁵⁰

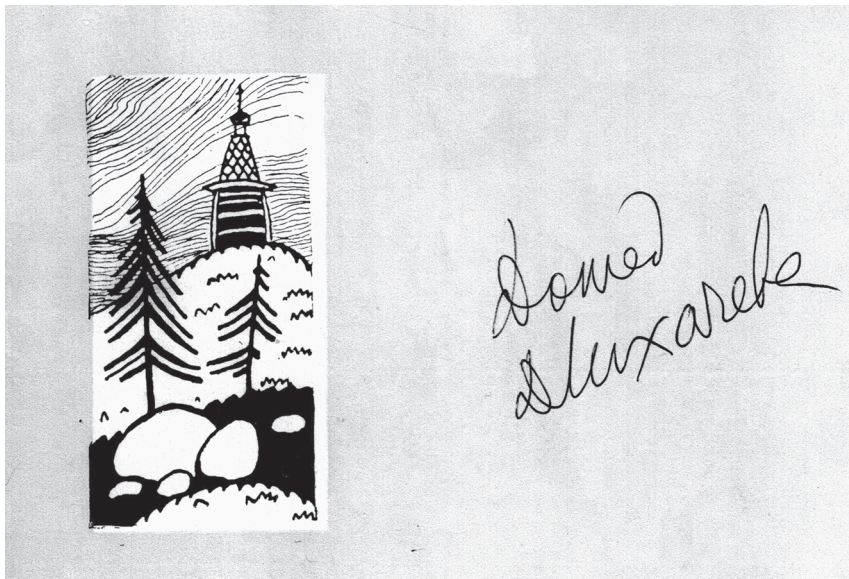
Поездка на Соловки произвела на него сильное впечатление, показав разрушительную силу энтропии — забвения многих тысяч замученных здесь узников Соловецкого лагеря. Возвратившись в Ленинград, он сразу же начал писать воспоминания. Работа над ними велась с июля по ноябрь 1966 г., затем — в конце августа 1967 г.

Вскоре по возвращении с Соловков Д. С. Лихачев составил из сделанных им в поездке фотографий «Соловецкий альбом» (сохранившийся в нескольких экземплярах).⁵¹

⁴⁹ Лихачев Д. С. Из книги «Воспоминания». С. 210.

⁵⁰ Вереш С. В. Четыре соловецких года // Наше наследие. М., 2006. № 79—80. С. 88—94.

⁵¹ Отдельные экземпляры «Соловецкого альбома» хранятся у его внуков — В. С. Зилитинкевич и З. Ю. Курбатовой.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	
<i>9 июля — начало 15 час.</i>	
1.	Д. С. ЛИХАЧЕВ — член-корреспондент АН СССР. «Задачи изучения Соловецкого историко-культурного комплекса».
2.	А. В. ВОРОБЬЕВ — главный архитектор проекта ЦНРМ. «Восстановление архитектурного ансамбля XVI—XIX вв. б. Соловецкого монастыря».
3.	Н. В. ТАРАНОВСКАЯ — ст. научный сотрудник Государственного русского музея. «Народные графические росписи севера».
4.	Н. В. МАЛЬЦЕВ — ст. научный сотрудник Государственного русского музея. «Поморская резьба по дереву».
5.	Г. С. МАСЛОВА — доктор исторических наук. «Итоги и задачи этнографического изучения русского севера».
6.	

Рис. 14. Программа конференции «Памятники культуры Русского Севера». 1966 г.

В феврале 1967 г. он встретился в Оксфорде с Софьей Михайловной Осоргиной — сестрой Георгия Михайловича, которой рассказал об обстоятельствах гибели ее брата. С. М. Осоргина подарила ему на память копию пасхального письма ее брата, написанного родным из Бутырской тюрьмы.⁵²

В 1967 г. к Д. С. Лихачеву приезжает А. И. Солженицын, чтобы узнать от него подробности лагерной жизни на Соловках. Их работа продолжалась три дня. Д. С. Лихачев поделился с ним устными воспоминаниями и пере-

⁵² Д. С. Лихачев рассказывает об этой встрече в своих «Воспоминаниях» — в заключительной части главы, посвященной Г. М. Осоргину.

Рис. 15. Д. С. Лихачев на Соловках в июле 1966 г.
(Из «Соловецкого альбома» Д. С. Лихачева).

дал сделанные им записи о Соловках.⁵³ По словам Лихачева, в его же кабинете появилось на свет и название романа — «Архипелаг ГУЛАГ».⁵⁴

В марте 1968 г. Лихачев сообщил в письме к Светлане Вереш о желании А. И. Солженицына побывать на Соловках (однако воплотить этот замысел писателю так и не удалось).⁵⁵

В сентябре 1968 г. Д. С. Лихачев написал статью «Соловки в истории русской культуры» для составленного им тогда же сборника «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов», который был издан лишь в 1980 г. (рис. 16).

В конце декабря 1968 г. Д. С. Лихачева вновь посетил Солженицын, который рассказал ему о своем проекте построить храм под Звенигородом.

⁵³ *Лихачев Д. С. Беседы прежних лет.* С. 193.

⁵⁴ Вот как рассказывает об этом сам Лихачев: «В самый разгар работы над своими сочинениями по истории лагерей ко мне приехал А. И. Солженицын. Мы с ним работали три дня. Я ему дал свои записки по истории Соловков. Рассказал о главном палаче Соловецкого лагеря латыше Дегтяреве <...>. В лагере его называли “главным хирургом”, а сам себя он пышно именовал “начальником войск Соловецкого архипелага”. Александр Исаевич воскликнул: “Это то, что мне нужно!” Так в моем кабинете родилось название его книги «Архипелаг ГУЛАГ» (*Лихачев Д. С. Соловки. 1928–1931 годы // Лихачев Д. С. Об интеллигенции.* СПб., 1997. С. 351). Об этом же вспоминает внучка Д. С. Лихачева — В. С. Зилитинкевич (Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 30).

⁵⁵ «Милая добровольная затворница»: Письма Д. С. Лихачева к С. В. Вереш // Наше наследие. М., 2006. № 79–80. С. 95.

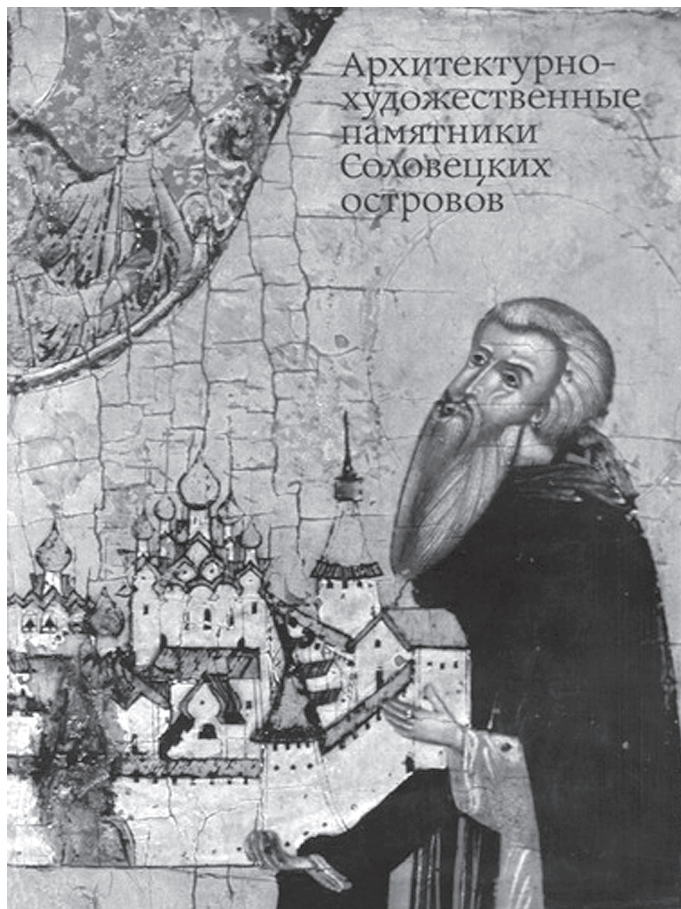

Рис. 16. Статья Д. С. Лихачева «Соловки в истории русской культуры» (1968) в сборнике «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов».

Бывший соловчанин посоветовал ему вместо строительства новой церкви восстановить одну из уже существующих на Соловках и установить там заупокойную службу по всем погибшим в лагере с чтением Неусыпаемой Псалтыри. Как написал в краткой заметке об этом разговоре сам Д. С. Лихачев, идея Солженицыну очень понравилась (рис. 17).⁵⁶ Но осуществить ее так и не удалось.

В 1969 г. Д. С. Лихачев приобрел альбом с видами Соловецкого острова (художника Г. М. Манизера)⁵⁷ и внес в него комментарии по лагерной «топографии» Соловков, создав своего рода «путеводитель» по Соловецкому лагерю. В качестве одной из иллюстраций он нарисовал план своей камеры

⁵⁶ РО ИРЛИ, ф. 769. Записка Д. С. Лихачева от 1 января 1969 г. о встрече с А. И. Солженицыным 27 декабря 1968 г. (л. 2–3).

⁵⁷ Архитектура Соловецкого монастыря / Худож. Г. М. Манизер. М., 1969 (Памятники древнего зодчества).

Я возрежал против проекта. Надо не заказывать новый проект, а восстановить одну из разрушенных церквей. Почему не восстановить Соловки. Устроить там годичную школу и службу по погибшим. Непрерывную. Мой проект понравился. Он сказал: "Может быть полгода достаточно". Я возразил: весь цикл природы, с зимой, отрезающей от мира. Он спросил:

Рис. 17. Заметка о беседе с А. И. Солженицыным о восстановлении церкви на Соловках и установлении «службы по погибшим».

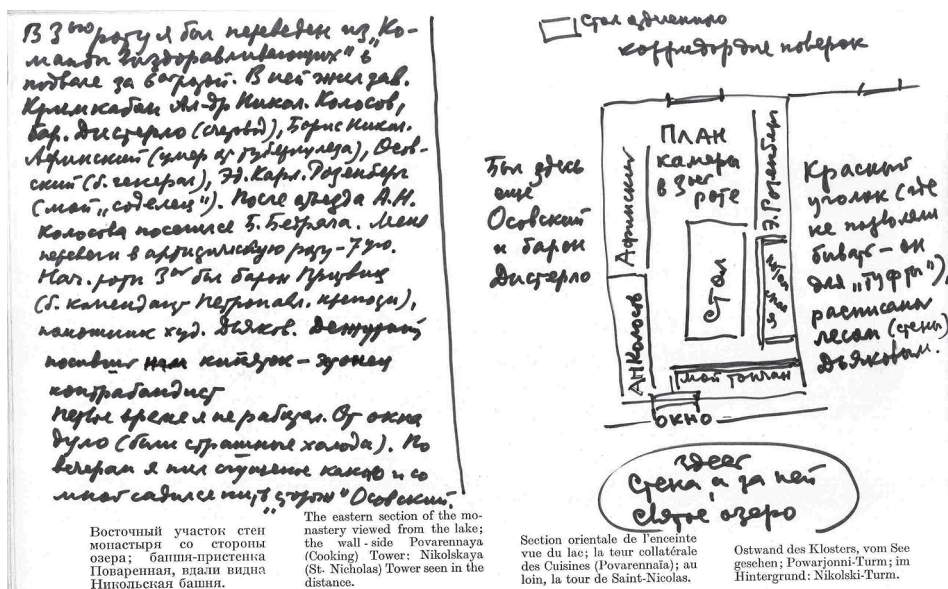

Рис. 18. «Путеводитель» по Соловецкому лагерю. План камеры в 3-й роте, в которой Д. С. Лихачев жил зимой 1929 г.

в 3-й роте, в которой жил зимой 1929 г. после перенесенного им тифа (рис. 18).

В 1971 г. Д. С. Лихачев вместе с Зинаидой Александровной провел месяц в Коктебеле, где вдова М. Волошина читала им наизусть поэму о Владимирской иконе Богородицы, посвященную реставратору А. И. Анисимову. По возвращении из Крыма он написал очерк о заключении А. И. Анисимова на Соловках (рис. 19).

Во второй половине 1970-х гг. Д. С. Лихачев пишет целую серию очерков о лагерной жизни на Соловках: «Школа смелости», «Соловецкий "Страшный сон"», «Ю. Казарновский», «Малютка Фелибер», «О расстреле 28 октября 1929 г.», «Сыпной тиф», «Женщины из Женбарака», «Вещи», «Возвращение» и др.

В 1978 и 1983 гг. Д. С. Лихачев создает новые «циклы» заметок по «лагерной топографии» на комплектах открыток с видами Соловков. Приведу

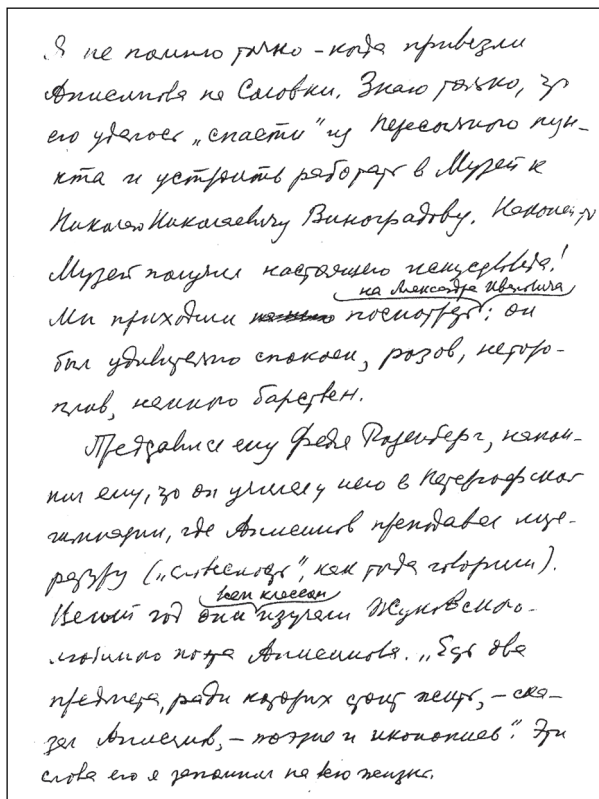

Рис. 19. Фрагмент очерка Д. С. Лихачева о реставраторе А. И. Анисимове. 1971 г.

для примера одну из них, на которой изображена Благовещенская церковь на Святых воротах:

«Надвратная Благовещенская церковь и Пожарные (бывшие Святые) ворота Здесь находилась пожарная команда, а в церкви Сол. музей. Через ворота водили на расстрел людей (расстреливали на кладбище). Когда расстреляли 300 человек, профессор Оксфордского университета Покровский стал сопротивляться, бил деревянной ногой (протез) конвоиров. Пристрелили его здесь в воротах. Сам он называл себя, представляясь, "Белобандит Покровский"» (рис. 20).

20 сентября 1979 г. Д. С. Лихачев написал уже упомянутое письмо Варлааму Шаламову (находившемуся в доме инвалидов Литфонда), в котором сообщил о своем долге памяти перед «соотечественниками» по Соловецкому лагерю.⁵⁸

В 1983 г. Д. С. Лихачев встретился с приехавшей из Архангельска К. П. Гемп и записал с ее слов рассказ о заключении Павла Флоренского на Соловках, а также об обстоятельствах его гибели (рис. 21).⁵⁹

⁵⁸ См. сн. 3.

⁵⁹ Запись этого рассказа, более тяготеющего к легенде, хранится в описи собрания рукописей К. П. Гемп в Древлехранилище Пушкинского Дома.

Соловецкие острова

Надератная Благовешенская церковь
монастыря

и Пожарных (в. Св. Спирит) ворот.

Здесь находилось пожарное депо, а

в церкви Сол. музей.

Здесь воруе были по ресесте едет (ресестили

на кидание). Киде ресестит 300 тысяч

профессор Олександр Смирнов Покров

ски был сохранился, с дубом и олов

(прозв) и контуров. Присудили его здесь

в воротах. Сол он карает себе, представляется

Фото Д. Смирнова

«Белландия Покровская»

A11151-66 г.
О-38 З. 994
Тираж 10000
Цена 8 коп.
Тип. № 32

Творческое фотоиздательство
Союза журналистов СССР
МДСК ВР
«ВРЕМЯ»

Рис. 20. Заметка по «лагерной топографии» Соловков на одной из открыток 1983 г. О гибели у Пожарных ворот профессора С. Н. Покровского.

О Соловках со слов Ксении Петровны Гемп (ей сейчас, в 1983 г., 88 лет - ей не страшно; можно о ней писать). Ее рассказ в Астории.

К. П. Гемп занималась водорослями Белого моря. Когда в 22 г. был организован лагерь, она среди заключенных набирала рабочих для поисковых работ. Работали у нее профессора, офицеры и пр. Фамилии некоторых офицеров и профессоров она мне называла, но они мне ничего не говорили и я забыл их. Для них важно было, что они работали в нормальных условиях и получали нормальную еду тогдашних рабочих-волевых. У самой Ксении Петровны на Соловках погибла мать (была заключенной) и целый ряд родственников (она называла мне трех - четырех). Но это все было до того, как я сам очутился на Соловках.

Павлу Флоренскому Ксения Петровна стала помогать в 30-е годы (уже после моего отъезда оттуда). Флоренский жил на Секирной. Узнав, что он и химик, Ксения Петровна организовала для него лабораторию по исследованию водорослей. Лаборатория помещалась в Кремле и судя по ее описаниям в седьмой роте. Там Флоренский и жил. В роте были большие комнаты. По словам Ксении Петровны от Святых ворот надо было повернуть направо в угол и подняться по лестнице. Я понял по ее описаниям, что это была в третьем этаже 7 рота (сама номер роты Ксения Петровна не называла - не помнила или роты тогда уже были перенумерованы). В седьмой роте первая комната направо действительно большая. Две следующие маленькие (я был в третьей комнате - маленькой, на четыре топчана). Ксения Петровна доставала Флоренскому колбы, химикалии (как они называются - химические препараты для опытов). Флоренский сделал изобретения и получил на свое имя патенты, о чем она говорила и сыну Флоренского.

Погиб Флоренский при следующих обстоятельствах. Когда финны подступили к Белому морю. Решили избавиться от заключенных. Всех погрузили на танкеры, вывезли в море и в море открыли в танкерах люки. Среди них был и Павел Флоренский. Вот откуда узнал об этом Ксения Петровна.

Рис. 21. Запись рассказов К. П. Гемп о Павле Флоренском. 1983 г.

8 августа 1984 г., в годовщину освобождения из лагеря, Д. С. Лихачев нашел и отредактировал свое юношеское стихотворение «Тризна», написанное в стиле поэтического речетворчества, свойственном эпохе Серебряного века.⁶⁰

В 1987—1988 гг. Д. С. Лихачев принимал участие в съемках упомянутого выше фильма «Власть Соловецкая» (реж. М. Голдовская). Один из консультантов съемочной группы Ю. А. Бродский передал ему в дар самиздатовскую копию книги Бориса Ширяева «Неугасимая лампада» (Нью-Йорк, 1954). На оборотных листах этой книги Д. С. Лихачев сделал целый ряд заметок, относящихся к Соловецкому лагерю (рис. 22).⁶¹

⁶⁰ См. публикацию этого стихотворения (подготовленную Н. В. Поньрко) в: Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 388.

⁶¹ Указанный экземпляр книги Б. Ширяева с пометами Д. С. Лихачева хранится в фондах Музея политической истории России.

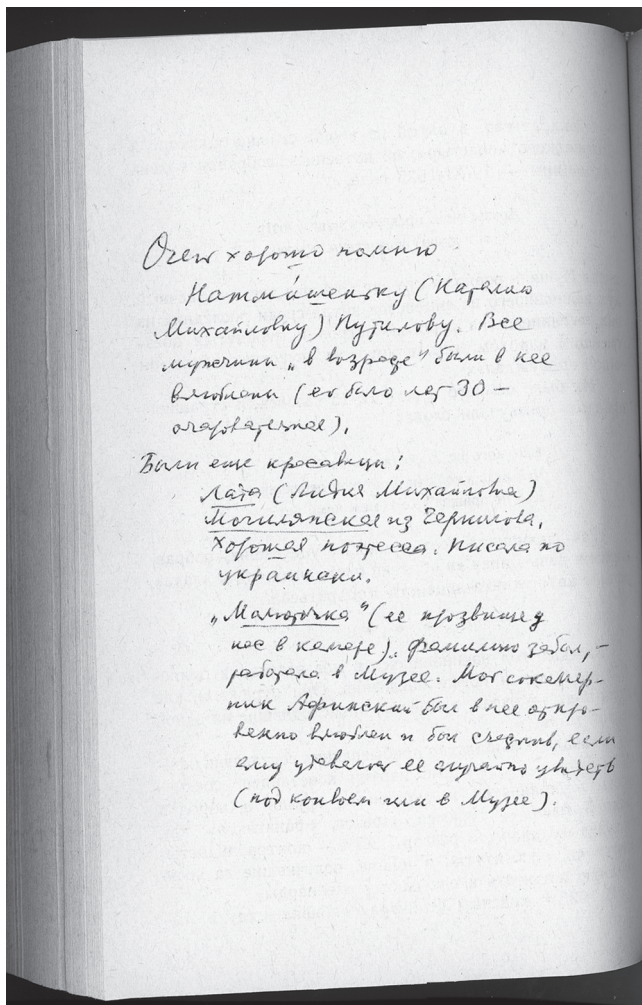

Рис. 22. Заметки Д. С. Лихачева в самиздатовой копии книги Б. Ширяева «Неугасимая лампада». 1954 г.

Летом 1988 г. Д. С. Лихачев приехал на Соловки с группой режиссера В. Б. Виноградова для съемок фильма «Дмитрий Лихачев. Я вспоминаю...».

В 1989 г. вышла его книга «Заметки и наблюдения», в которую Д. С. Лихачев включил краткий очерк «Соловки» — первый печатный вариант его воспоминаний о Соловецком лагере.⁶²

В 1988—1989 гг. Д. С. Лихачев создал новую редакцию воспоминаний о Соловецком лагере, в которую включил множество подробностей о лагерном быте и о круге своего общения на Соловках. Текст ее был издан им в составе «Книги беспокойств» (1991).⁶³

⁶² Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 97—103.

⁶³ Лихачев Д. Книга беспокойств. М., 1991. С. 94—145.

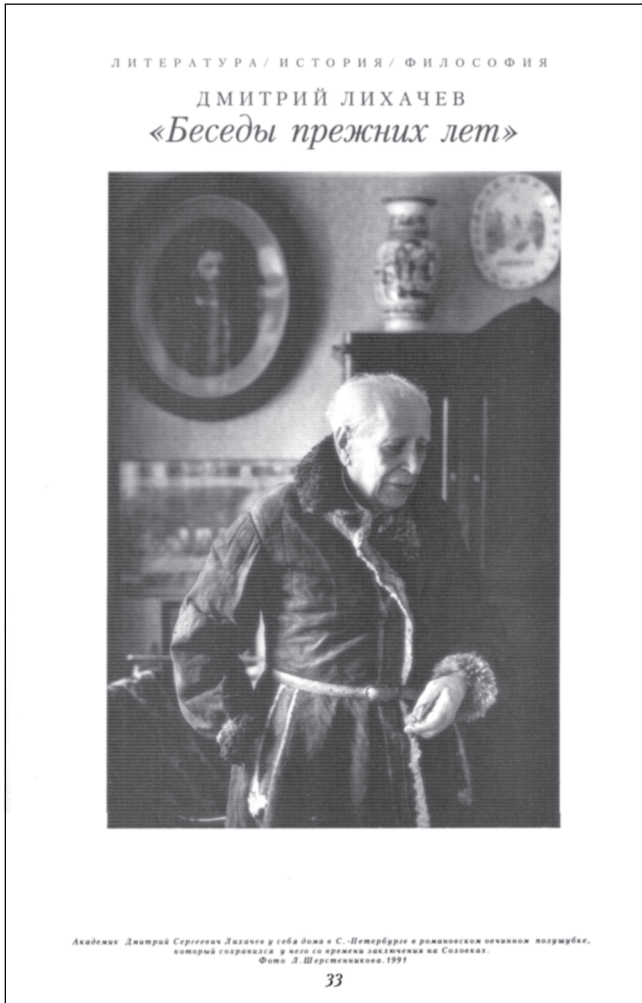

Рис. 23. Портрет Д. С. Лихачева в соловецком полушубке на титульном листе его воспоминаний об интеллигенции 20–30-х гг. («Беседы прежних лет»). 1993 г.

В начале 1992 г. Д. С. Лихачев получил возможность ознакомиться с материалами следственного дела «Космической Академии наук» и Братства преп. Серафима Саровского», хранившегося в архиве КГБ. В нем он обнаружил «Тезисы доклада о старой орфографии», написанного им в 1928 г. за несколько дней до ареста.

В том же году Д. С. Лихачев подготовил к печати книгу «Статьи ранних лет», в которую вошли «Тезисы доклада о старой орфографии», «Соловецкие записи 1928–1930 гг.», «Картежные игры уголовников», краткая редакция его воспоминаний о Соловках и еще две научные статьи, посвященные воровской речи.⁶⁴

⁶⁴ Лихачев Д. С. Статьи ранних лет.

В 1993 г. вышла новая редакция воспоминаний Д. С. Лихачева о Соловецком лагере — «Беседы прежних лет» (рис. 23), дополненная главами о его школьных и университетских годах, об интеллигенции на Соловках (А. А. Мейере, Ю. Н. Данзас и др.), об иосифлянском духовенстве (владыке Викторе Островидове и отце Николае Пискановском).⁶⁵ В приложении к «Беседам...» Д. С. Лихачев поместил список своих солагерников по Соловкам и Беломорканалу, составленный им по памяти в 1932 г. (всего 430 имен).

В 1994 г. он пишет краткий очерк о поэте Владимире Кемецком, с которым он прожил «в одной камере почти два года», и публикует его стихи из сборника, присланного неизвестным дарителем в редакцию журнала «Наше наследие». В конце очерка Д. С. Лихачев признается: «Стихи нашли меня, я верю, по воле Володи. Поэтому я публикую их, как бы прижимая к сердцу».⁶⁶

Наконец, в 1995 г. вышла отдельная книга его «Воспоминаний», включившая уже 4-ю редакцию его мемуаров о Соловецком лагере.⁶⁷ Кроме них в книгу «Воспоминаний» вошли также главы о детстве и юношеских годах, о Петербурге начала века, о блокаде и службе в Академии наук. В Приложении к книге Д. С. Лихачев поместил «Соловецкие записи 1928–1930 гг.» и сборник стихотворений Владимира Кемецкого.

⁶⁵ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет // Наше наследие. М., 1993. № 26. С. 33–60; № 27. С. 33–59. Названием послужила строка из стихотворения Пушкина «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821).

⁶⁶ Кемецкий В. Из цикла «Каменные стихи» / Публикация Д. С. Лихачева // Мѣра. 1994. № 4. С. 24–29.

⁶⁷ В соловецкой части «Воспоминаний» Д. С. Лихачев выделил особый цикл «Люди Соловков», в который он включил несколько новых глав: о Г. М. Осоргине, Э. К. Розенберге, А. М. Бардыгине и В. Ю. Короленко.